
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА В РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ¹

ЛЕВИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории и государственного управления,
Кемеровский государственный университет,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

КИСЛИЦЫН ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и государственного управления,
Кемеровский государственный университет,
e-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com;*

СУРЦЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и государственного управления,
Кемеровский государственный университет,
e-mail: ansokol@mail.ru*

Цитирование: Левин, С. Н., Кислицын, Д. В., Сурцева, А. А. (2019). Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 061-076. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076

В данной статье дается характеристика институциональной организации регионов ресурсного типа. При этом обосновываются сравнительные преимущества политико-экономического подхода к этой проблеме, базирующегося на выделении дискретных структурных (институциональных) альтернатив их развития. Предложенный подход позволяет охарактеризовать взаимосвязь между ресурсно-отраслевой структурой экономики, институциональной организацией рынков и конституционным устройством экономики и социума. Выбор между этими альтернативами выступает как результат взаимодействия между доминирующими политико-экономическими акторами, мотивация и ограничения деятельности которых рассматриваются в контексте действия эффектов исторической обусловленности развития и блокировки. Эффект исторической обусловленности развития проявился в наличии особых форм взаимосвязи между специфической ресурсно-отраслевой структурой экономики и политико-экономической организацией общества, построенной на дополнении горизонтальных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00244.

цепочек создания стоимости вертикальными механизмами её перераспределения. В ходе реализации радикальных реформ в 1990–2000-е гг. также проявилось действие эффекта блокировки. Сложившаяся устойчивая система взаимодействий между ресурсно-технологической и политико-экономической структурой российского социума определила наличие жестких ограничений при реализации институциональных проектов ее модернизации. Институциональный проект либерального типа, который не учитывал данные объективные ограничения, столкнулся с активным противодействием доминирующих политико-экономических акторов, в результате чего институциональная система вернулась в модифицированном виде на исторически заданную траекторию развития. При этом был обоснован тезис о том, что различные конфигурации взаимодействия между данными акторами могут как усиливать, так и ослаблять ресурсную зависимость. Результаты развития регионов ресурсного типа в период 2005–2015 гг. были рассмотрены через эффект структурного сдвига. При этом было показано, что возникающие в результате структурного сдвига эффекты не могут быть объяснены без привлечения институциональных факторов, которые определяют степень целостности (инклюзивности) или анклавности их социально-экономического развития.

Ключевые слова: регион ресурсного типа; ресурсная зависимость; дискретные структурные альтернативы; эффект исторической обусловленности развития; эффект блокировки; доминирующие политико-экономические акторы; эффект структурного сдвига

INSTITUTIONAL ORGANIZATION OF RESOURCE-TYPE REGIONS IN RUSSIA: GENERAL DESCRIPTION AND STRUCTURAL SHIFT IN THE ECONOMY²

SERGEY N. LEVIN,

*Doctor of Economics, Professor,
Department of Economics and Public Administration,
Kemerovo State University,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

DMITRY V. KISLITSYN,

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics and Public Administration,
Kemerovo State University,
e-mail: dmitry.v.kislitsyn@gmail.com;*

ANNA A. SURTSEVA,

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics and Public Administration,
Kemerovo State University,
e-mail: ansokok@mail.ru*

Citation: Levin, S. N., Kislitsyn, D. V., Surtseva, A. A. (2019). Institutional organization of resource-type regions in Russia: general description and structural shift in the economy. *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 061-076. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00244.

The paper describes the institutional organization of the resource type regions. The advantages of the political and economic approach based on structural alternatives of development identification are justified. The proposed approach allows us to characterize the relationship between the resource-sectoral structure of the economy, the institutional organization of markets and the constitutional structure of the economy and society. The choice between those alternatives is decided by dominant political and economic actors' interactions, motivations and limitations of the actors are regarded in the context of path dependence and lock-in effects. The path dependency effect manifested itself in the presence of special forms of relationship between the specific resource-sectoral structure of the economy and the political and economic organization of society, based on the complimenting of horizontal value chains with vertical mechanisms for value redistribution. During the implementation of radical reforms in the 1990–2000s, the lock-in effect was also manifested. The existing stable system of interactions between the resource-technological and political-economic structure of the Russian society determined the existence of rigid restrictions on the implementation of institutional projects for its modernization. The liberal institutional project that did not take into account these objective constraints encountered active opposition from the dominant political and economic actors, as a result of which the institutional system returned in a modified form to a historically predetermined development path. Different configurations of those actors' interactions can both strengthen and weaken resource dependence. The results of the resource type regions development in 2005–2015 are regarded bearing in mind the structural shift effects. The authors show that emerging due to structural shift effects cannot be explained without involving institutional factors that determine the degree to which the regional economy operated as an integral unit or as a set of enclaves in its social and economic development.

Keywords: resource-type region; resource dependence; discrete structural alternatives; path dependence; lock-in effect; dominant political and economic actors; structural change.

JEL: O43, O48

Введение

В рамках реализуемого научного проекта по исследованию регионов ресурсного типа авторами было проведено выделение типологических особенностей данных территорий и предложена авторская модель их классификации (Курбатова, Левин, Каган, Кислицын, 2019). Принципиальное значение имеет тот факт, что развитие данных регионов характеризуется возникновением феномена ресурсной зависимости, которая ограничивает возможности их комплексного социально-экономического развития. При этом степень этой зависимости и тенденции развития данных регионов достаточно разнообразны. В статье будет дана характеристика институциональной организации экономики и социума в данных регионах, понимаемой как конфигурация правил игры в единстве с механизмами их принуждения (Норт, 1997), являющаяся результатами длительного взаимодействия доминирующих политико-экономических акторов. Сложившиеся в разных регионах ресурсного типа варианты институциональной организации оказывают заметное влияние на траектории структурных изменений.

В рамках данной статьи проблема институциональной организации регионов ресурсного типа будет рассматриваться в контексте более общих проблем эволюции институциональной среды, которая характеризуется сложным переплетением процессов централизации, реализуемой на уровне формальных институтов, и децентрализацией, ведущей к устойчивому воспроизводству «отраслевой» и территориальной сегментации институциональной среды. Эти процессы ведут к тому, что экономика страны выступает как совокупность частично взаимосвязанных друг с другом анклавов. При этом предметом анализа в статье будет не отраслевая, а территориальная сегментация институциональной среды отечественной экономики и социума.

Целью данной работы является описание качественных характеристик институциональной организации экономик регионов ресурсного типа в контексте действия эффектов исторической обусловленности развития (path dependence) и блокировки (lock-in effect) и характеристика взаимосвязи между этими характеристиками и структурными сдвигами региональной экономики.

Теоретические подходы к исследованию институциональной организации регионов ресурсного типа

В научной литературе можно выделить два основных подхода к характеристике институциональной организации регионов ресурсного типа.

Первый подход базируется на концепции «ресурсного режима» норвежского политолога О. Янга (*Yong, 1982*), идеи которого получили развитие в работах исследователей из Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (*Крюков, 2017; Крюков, Павлов, 2012*).

Данный подход рассматривает проблемы формирования оптимального ресурсного режима как институциональной системы, позволяющей на данном этапе технологического развития эффективно использовать существующий ресурсный потенциал в интересах не только сырьевых субъектов, но и комплексного развития территории. В данном случае развитие региона ресурсного типа рассматривается в контексте такого развития базовых для него ресурсных отраслей, которое благоприятно не только для акторов ресурсного сектора, но и всей региональной экономики и социума. К числу характерных особенностей предлагаемого подхода относятся:

1. С точки зрения позитивного анализа для него характерна ориентация на уровень экономических институтов, если «рассматривать формальные правила в виде пирамиды из политических (и юридических), экономических правил и контрактов во главе с политическими правилами, важнейшей частью которых является «конституция»» (*Норт, 1997, с. 68*).

В центре внимания находятся проблемы формирования оптимальной структуры экономических рынков, выступающих как переплетение институциональных соглашений разного типа в ресурсном секторе: иерархий (вертикально интегрированные структуры), рыночных и гибридных (представители данного подхода в этой связи пишут о режимах собственности, структурах рынка и системах налогообложения (*Крюков, Павлов, 2012*)).

2. Нормативной задачей является разработка проекта формирования оптимального «ресурсного режима», учитывающего как общие закономерности технологического развития, так и специфические условия места и времени. Данный институциональный проект предлагается для реализации акторам, определяющим принятие политических решений, к числу которых относятся представители федеральных и региональных органов власти, экстерриториальные бизнес субъекты, местные сообщества. В то же время вопрос о деятельности этих акторов и механизмах, способных обеспечить формирование и функционирование эффективного «ресурсного режима», не является предметом позитивного экономического анализа. В результате возникает вопрос о принципиальной реализуемости предлагаемых институциональных проектов. Они базируются на представлении о возможностях использования модифицированного, с учетом ресурсно-отраслевой специфики отечественных регионов ресурсного типа, опыта создания в богатых ресурсами странах и субнациональных территориях мира эффективных ресурсных режимов, ведущих к превращению ресурсного богатства в источник «ресурсного благословения» (*van der Ploeg, 2011*). Однако, при оценке возможностей импорта этих экономических институтов, нужно учитывать их принципиальную совместимость со сложившейся в России конфигурацией институтов конституционного уровня, определяющих правила политико-экономического взаимодействия.

В этой связи при исследовании институциональной организации регионов ресурсного типа необходимо использовать политико-экономический подход, позволяющий охарактеризовать взаимосвязь между ресурсно-отраслевой структурой экономики, институциональной организацией рынков и конституционным устройством экономики и социума. Политико-экономический подход ориентирован на решение принципиальной для современной экономической науки проблемы, связанной с необходимостью расширения её предметного поля. В этой связи М. Олсон считал необходимым, чтобы экономическая наука превратилась в «познавательную структуру, способную одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ» (Олсон, 2012, с. 26).

В рамках развития политико-экономического подхода к исследованию институциональной организации регионов ресурсного типа была предложена и обоснована модель выделения «дискретных структурных (институциональных) альтернатив их развития в условиях глобализирующейся экономики: «анклавной двойственной экономики» и «целостной региональной экономики» (Левин, Каган, Сабин, 2015, с. 96). В рамках первого варианта высокопроизводительный экспортно-ориентированный сырьевой сектор региональной экономики не генерирует положительных эффектов для развития других отраслей и социальной сферы региона. В модели целостного развития сырьевой сектор и доходы, им генерируемые, способствуют созданию необходимой инфраструктуры, развитию смежных обрабатывающих производств и инвестициям в человеческий капитал. Проблема ресурсной зависимости регионов ресурсного типа и национальной экономики в целом приобретает форму преобладания траектории анклавной двойственной экономики и существования устойчивых барьеров препятствующих их переводу на путь целостного развития.

Сравнительные преимущества данного подхода перед концептом ресурсных режимов связаны с комплексным анализом политических и экономических институтов при приоритете политических (конституционных) институтов. Это делает предметом специального экономико-теоретического анализа взаимодействие политико-экономических акторов, формирующих конфигурацию институтов, задающих правила взаимодействия. Логика экономического взаимодействия рассматривается в контексте доступа акторов к политическому ресурсу, определяющему их способность влиять на формирование режимов прав собственности, распределению остаточных прав на контроль и доход между предпринимателями и представителями властных структур, причем как на формальном, так и неформальном уровнях. В этой связи значимыми оказываются как официальные системы налогообложения, так и складывающиеся квазифискальные практики, включающие квазиналоговые сборы и организованное спонсорство (Курбатова, Левин, 2010).

Принципиальное значение имеет то, что структура институтов конституционного уровня определяющих взаимодействие политики и экономики, политических и экономических акторов качественно отличается от той модели, которая сложилась в странах с развитой рыночной экономикой и политической демократией. При этом данные различия исторически обусловлены спецификой длительного развития отечественной экономики и социума. Речь идет об эффекте исторической обусловленности развития, базирующемся на особых формах взаимосвязи между специфической ресурсно-отраслевой структурой экономики и политико-экономической организацией общества, построенной на дополнении горизонтальных цепочек создания стоимости вертикальными механизмами её перераспределения. При этом тенденция отраслевой и территориальной сегментации институциональной организации экономики и социума и формирования относительно замкнутых анклавов проявилось не только в советский, но и дореволюционные периоды развития, причем интеграция экономики и социума страны базировалась на сложной конфигурации формальной централизации

и децентрализации правил игры на неформальном уровне. При этом как попытки подавления неформальной децентрализации, так и стремление формализовать институциональные различия между секторами нарушали баланс интересов и порождали дезинтеграционные процессы.

В ходе «имперской» модернизации (в период до 1917 г.) экономика и общество распались на капиталистический и традиционный сектора. Развитие первого шло при активной политической и финансовой поддержке государства, издержки же модернизационной политики перекладывались на традиционный сектор. При этом, если одни экономические субъекты капиталистического типа стремились максимизировать политический ресурс за счет сращивания с представителями государства, то другие развивались в рамках автономного от него институционального «анклава» (речь в данном случае идет о феномене «старобрядческого» предпринимательства (*Расков, 2012*)).

Исходя из вышесказанного, предложенную после 1917 г. социалистическую модель развития можно рассматривать как попытку разрешения возникших противоречий на основе введения универсальных правил игры, закрепляющих механизмы централизованного управления. В то же время положительные эффекты носили только краткосрочный характер, а в долговременном периоде формальная централизация постепенно размывалась процессами децентрализации на неформальном уровне институциональной организации. При этом постепенно воспроизводилась ситуация «отраслевой» и территориальной сегментации институционального пространства страны, в рамках которого одно из центральных мест заняли развивающийся экспортно-ресурсный сектор и регионы ресурсного типа. Исходным пунктом развития выступила сформированная в рамках централизованного управления двойная агентская цепочка: партийно-политическая и хозяйственная (центральные экономические органы-ведомства-предприятия). В результате общество структурировалось в рамках двух типов переплетающихся между собой вертикально-организованных корпораций: «производственных» и территориальных. Центральными агентами этих корпораций выступили руководители партийно-политических структур с одной стороны, и хозяйственных организаций с другой. В исходном варианте централизованной системы они на всех иерархических уровнях контролировали деятельность друг друга, снижая тем самым возможности оппортунистического поведения в рамках агентских цепочек. Постепенно отношения между ними трансформировались в многоуровневые вертикальные и горизонтальные торги, образовавшие систему административных рынков (*Кордонский, 2000; Кордонский, 2008; Найшуль, 1992*). В рамках этих торгов руководители ведомств выступали носителями «отраслевых» интересов, а партийно-политические органы позиционировали себя как представители интересов территорий. В результате развития административных рынков постепенно развертывался процесс спонтанной приватизации. Возникла ситуация, когда при сохранении на формальном уровне прав собственности статуса принципала за государством, реальные остаточные права собственности (*Grossman, 1986*) перераспределялись в пользу различных групп партийно-политической и хозяйственной номенклатуры.

В рамках данной системы регионы ресурсного типа играли роль «национальных кладовых», обеспечивающих экономику страны поставками необходимых стране ресурсов. Для них была характерна особенно значимая роль хозяйственных ведомств ресурсных отраслей (например, для Кузбасса ключевую роль играло министерство угольной промышленности СССР). В свою очередь, партийно-политические органы выступали единственным влиятельным субъектом, в определенной степени заинтересованным в комплексном социально-экономическом развитии региона.

В ходе реализации радикальных реформ в 1990–2000-е гг. четко проявилось действие не только эффекта исторической обусловленности развития, но и эффекта блокировки.

Сложившаяся устойчивая система взаимодействий между ресурсно-технологической и политико-экономической структурой российского социума определила наличие жестких ограничений при реализации институциональных проектов ее модернизации. Институциональный проект либерального типа, который не учитывал данные объективные ограничения, столкнулся с активным противодействием доминирующих политико-экономических акторов, в результате чего институциональная система вернулась в модифицированном виде на исторически заданную траекторию развития.

Конфигурация доминирующих политико-экономических акторов и варианты развития регионов ресурсного типа

Продвигаемый федеральной властью проект либерального типа предполагал осуществление массовой приватизации и формирование институциональной системы построенной на разделении экономики и политики, автономных друг от друга конкурентных экономических и политических рынков. Е. Т. Гайдар утверждал, что в результате реализации программы массовой приватизации удалось реализовать институциональный проект «обмена власти на собственность» (*Гайдар, 1997*). Он считал, что реформаторам удалось добиться от политически влиятельных групп, выступающих наследниками советской партийно-политической хозяйственной номенклатуры новых правил игры. Предполагалось, что, получив в частную собственность крупные активы, они сконцентрируются на предпринимательской деятельности и согласятся на разграничение экономической и политической сфер. Государство при этом будет эволюционировать по пути превращения в малое государство с ограниченным числом функций, по существу речь шла о формировании модели «государства невидимой руки», в рыночном секторе выступающем гарантом прав собственности и ограничивающем свою экономическую активность производством общественных благ (*Frye, Shleifer, 1997*). Предполагалось, что возникший массовый слой собственников предъявит спрос на право, что обеспечит массовую политическую поддержку данному институциональному проекту. Предполагалось, что предприниматели при взаимодействии с государством будут ориентироваться на коллективное лоббирование своих интересов, связанное преимущественно с формированием благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и улучшением предпринимательского и инвестиционного климата. Однако, реальная мотивация, как «правлящей группы», персонифицирующей российское государство, так и политико-экономических акторов, получивших привилегированный доступ к приватизации, оказались существенно отличающимися от данной идеальной модели. Это в ясной форме проявилось на этапе залоговых аукционов. Правящая группа наделила предпринимателей правами собственности на прибыльные активы, прежде всего в экспортном ресурсном секторе на условиях политической лояльности и взятия на себя обязательств по поддержанию социальной и политической стабильности. Это означало, что крупные предприниматели берут на себя дополнительные политические и управленческие функции. В свою очередь предприниматели оказались заинтересованы в накоплении индивидуального политического ресурса, воплощенного в связях с представителями властных структур, как важнейшим источником индивидуальных конкурентных преимуществ. В результате возник феномен «олигархов» без олигархии (*Паннэ, 2000, с. 22*). Это означает, что в России нет олигархии как системы коллективного управления олигархов, но есть олигархи как крупные предприниматели, обладающие индивидуальным политическим ресурсом и выполняющие возложенные на них правящей группой политические и управленческие функции. По существу, они выступают наследниками советской хозяйственной номенклатуры, по-прежнему неразрывно связанные с властными структурами.

В свою очередь формальному федеральному институциональному проекту в 1990-е гг. был противопоставлен целый комплекс неформальных институциональных

проектов, реализуемых вначале преимущественно на региональном уровне, причем инициаторами их стали преимущественно властные структуры регионов ресурсного типа (Татарстан, Кузбасс и др.). В основе этих проектов лежали неформальные практики «дофинансирования территорий» за счет бизнеса. В центре торгов между региональной властью и предпринимателями, контролирующими экспортно-ресурсные отрасли, оказались условия квазифискальной сделки, в рамках которой определялся набор притязаний первых на остаточные права собственности на формально частные активы. Руководители властных структур ресурсных регионов обладали в этот период значительным собственным политическим ресурсом, выступая в роли субнациональных «правителей», при этом они позиционировали себя как акторы, представляющие интересы региона как территориальной корпорации. В результате столкновения и переплетения, как спонтанных процессов, так и институциональных проектов различного типа, произошла трансформация советских административных рынков в постсоветский политико-административный, построенный на переплетении политических, управленческих и экономических трансакций. Ведущими субъектами торгов на нем выступали, с одной стороны, политизированные бюрократы, выступающие «наследниками» советской партийно-политической номенклатуры и соединяющие административные, политические и хозяйственные функции, а с другой стороны – «олигархи», в деятельности которых предпринимательские функции дополнялись политико-административными. В рамках политико-административных рынков сложилась специфическая смешанная система прав собственности на активы, в первую очередь в экспортно-ресурсном секторе. В рамках этой единой системы мы имеем, с одной стороны, квазичастную собственность, поскольку значительная часть реальных остаточных прав принадлежит правящей группе и другим политизированным бюрократам, с другой стороны – квазигосударственную собственность, поскольку олигархи, благодаря наличию индивидуального политического ресурса, получают доступ к реальным остаточным правам на эти активы. Границы между этими двумя секторами единой смешанной системы прав собственности на активы является достаточно гибкими. Ярким примером этому может служить перераспределение прав собственности на строительные активы между «Газпромом» и группой А. Ротенберга (Петлевой, Топорков, 2019).

На рубеже 1990–2000-х гг. в регионах ресурсного типа сложился баланс интересов между доминирующими политико-экономическими акторами, в лице, с одной стороны, «олигархов», а с другой – региональными властными структурами. Этот баланс обеспечивал выживание территорий и социально-политическую стабильность. Однако в рамках данной системы сохранялись серьезные барьеры на пути целостного развития экономик этих территорий. Контролируемые олигархами экспортные компании выступали анклавами богатства, не создающими достаточных стимулов для развития других отраслей и сфер регионов. С другой стороны, региональные властные структуры использовали квазифискальные платежи преимущественно в интересах поддержания социально-политической стабильности и реализации своих интересов.

В 2000-е гг. процесс постсоветской реструктуризации отечественных рынков власти завершился формированием «вертикали власти», которая представляет собой институциональную систему, базирующуюся на централизованном варианте гибридного политико-административного рынка и смешанной системе прав собственности. Данная система обеспечила реинтеграцию российской экономики и общества, восполняя слабость горизонтальных экономических и политических связей централизованным политическим контролем и вертикальным перераспределением активов и доходов в экономике, однако при этом проблема формирования акторов развития, способных обеспечить переход к модели целостного развития регионов ресурсного типа и национальной экономики, в целом не была решена.

В этих условиях правящая группа, используя централизацию политико-экономической системы и концентрацию в своих руках властных полномочий и экономических ресурсов, инициировала проекты развития, которые с ее точки зрения должны были преодолеть зависимость экономики России от экспортно-ресурсного сектора и обеспечить ее диверсификацию и целостное развитие. Предполагалось, что «олигархи» и политизированная бюрократия высшего звена обеспечат, используя механизмы централизованного перераспределения ресурсов, развитие широкого круга отраслевых и региональных полюсов роста, конкурентоспособных не только в национальной, но и в глобальной экономике. Спецификой выбранной политики явилась ориентация на сменяющие друг друга «мегапроекты» и инициативы: от развития инновационной экономики (проект «Сколково») до проектов новой индустриализации, импортозамещения и развития несырьевого экспорта.

Однако, использование на практике механизмов, в том числе неформальных, перераспределения ресурсов, центральными акторами которых были «олигархи» и политизированные бюрократы высшего звена, привели, во-первых, к расширению возможностей извлечения политической ренты, в том числе и коррупционных доходов, вышеуказанными акторами, а во-вторых – централизация нарушила баланс интересов политико-экономических акторов федерального и регионального уровня. Усиление централизованного контроля над региональными органами власти и снижение автономии губернаторов (на смену местным руководителям пришли выдвинутцы центра, чей политический ресурс был связан не с региональным, а федеральным уровнем) заметно ослабило их способность представлять интересы регионального развития в торгах с федеральными органами власти и олигархами.

В тоже время формальная централизация не означает полного исчезновения неформальной децентрализации в различных регионах ресурсного типа, где складываются разные конфигурации взаимодействия между доминирующими политико-экономическими акторами (прежде всего олигархами и топ-менеджерами бизнес-групп и компаний ресурсного сектора и руководителями региональных властных структур). При этом эти акторы делают выбор в пользу различных вариантов политики развития, которые приводят к разным результатам, либо усиливая, либо ослабляя ресурсную зависимость. В рамках данной статьи результаты развития регионов ресурсного типа будут рассмотрены через эффект структурного сдвига.

Структурные сдвиги и экономический рост

Ключевым источником экономического роста является рост производительности труда внутри секторов, в то же время источником роста способны стать и изменения в отраслевой структуре экономики. Данный феномен широко изучается в рамках экономики развития, его анализ базируется на модели дуальной экономики, предложенной Артуром Льюисом (*Lewis, 1954*). В рамках данной модели присутствуют два сектора – традиционный (аграрный) и современный (промышленный), характеризующиеся значительным разрывом в уровне производительности труда. Наличие такого разрыва является признаком аллокационной неэффективности экономики, сокращающей совокупную производительность друга. В то же время эта аллокационная неэффективность является значительным источником экономического роста – в случае масштабного перетока занятости из низкопроизводительного сектора в высокопроизводительный, экономика страны растет высокими темпами даже в ситуации отсутствия роста производительности труда внутри секторов. Данный эффект получил название «бонуса структурного сдвига».

Эмпирические исследования показали, что структурный сдвиг и в самом деле способен стать дополнительным источником экономического роста (*Syrquin, 1988; Lucas, 1993; Young, 1995; Nelson, Pack, 1999*). В то же время существуют и исследования,

продемонстрировавшие обратный процесс – феномен негативного влияния структурного сдвига на экономический рост. М. МакМиллан и Д. Родрик продемонстрировали, что деиндустриализация в Латинской Америке и Африке южнее Сахары привела к тому, что труд двигался «в неправильном направлении» – из более производительных отраслей в менее производительные (McMillan, Rodrik, 2011). Это явление может быть названо «бременем структурного сдвига».

Российская экономика 1990-х и 2000-х гг. также характеризовалась процессом деиндустриализации (за период с 2000 по 2014 гг. доля обрабатывающей промышленности в занятости сократилась с 19,1% до 14,6%). И. Б. Воскобойников и В. Е. Гимпельсон показали, что в масштабах страны в целом в период с 1995 по 2012 г. реаллокация труда вела с росту совокупной производительности, однако расширение неформального сегмента вело к росту разрыва в уровне производительности между секторами и способствовало замедлению роста (Воскобойников, Гимпельсон, 2015).

Особый интерес представляет анализ структурных сдвигов в экономиках регионов ресурсного типа, поскольку позволяет проверить гипотезу существования специфической версии «ресурсного проклятья» на субнациональном уровне, а именно «эффекта вытеснения» – ресурсный «бум» приводит к росту цен на местном рынке, в результате происходит переток ресурсов из неконкурентоспособной местной обрабатывающей промышленности в сферу услуг (Allcott, Keniston, 2014; Michaels, 2011; Beine, Coulombe, Vermeulen, 2015; Papyrakis, Raveh, 2014; Zhang, Xing, Fan, Luo, 2008; Zuo, Schieffer, 2014). Для нашего анализа мы используем данные с 2005 по 2015 год. Выбор временного интервала основывается не только на доступности данных, но и на том факте, что мировые цены на основные сырьевые товары в 2005 и 2015 гг. находились на близких уровнях, что делает показатели регионов (прежде всего доли добычи полезных ископаемых в ВРП) сопоставимыми.

Отнесем к регионам ресурсного типа регионы, средняя доля добычи полезных ископаемых в ВРП которых на протяжении 2005–2015 гг. была выше 11% – доли добычи полезных ископаемых в ВВП России в целом. Для выделенных 23 регионов средняя доля добычи в ВРП составляла 30,8% – от 71,81% Ненецкого автономного округа до 11,08% Астраханской области. На протяжении рассматриваемого десятилетия некоторые из региональных экономик пережили полноценный сырьевой бум. Так, доля добычи полезных ископаемых в ВРП Чукотского автономного округа выросла на 40,9%, Сахалинской области – 36,4%, Астраханской области – 22,3%, Красноярского края – 14,9%. К регионам, пережившим падение доли сырьевого сектора в ВРП, относится прежде всего республика Карелия (падение на 11,1%) и Белгород (падение на 11,4%) – см. Таблицу 1.

Таблица 1

Динамика доли сырьевого сектора в экономиках регионов ресурсного типа

Регион	Средняя доля добычи в ВРП (2005–2015)	Изменение доли добычи в ВРП (2005–2015)
Чукотский автономный округ	30,8	40,9
Сахалинская область	52,10909	36,4
Астраханская область	11,08182	22,3
Красноярский край	11,23636	14,9
Республика Саха (Якутия)	40,13636	9,4
Архангельская область	25,68182	6,8
Самарская область	12,5	5,2

Окончание табл. 1

Регион	Средняя доля добычи в ВРП (2005–2015)	Изменение доли добычи в ВРП (2005–2015)
Мурманская область	14,13636	3,6
Республика Коми	32,41818	1,7
Магаданская область	20,78182	1,5
Пермский край	15,09091	0,6
Оренбургская область	37,13636	0
Кемеровская область	26,20909	-1,3
Республика Удмуртия	25,20909	-2,1
Тюменская область	54,07273	-4,1
Ненецкий автономный округ	71,80909	-4,4
Ямало-ненецкий автономный округ	52,52727	-5,7
Томская область	28,19091	-5,7
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	67,63636	-7,2
Республика Татарстан	23,28182	-9,4
Курская область	12,49091	-9,5
Республика Карелия	12,30909	-11,1
Белгородская область	16,2	-11,4

Для того чтобы выделить влияние структурных сдвигов, проведем декомпозицию экономического роста на 3 группы эффектов:

1. Статичный эффект сдвига (static shift effect).

$$SSE = \sum_{i=1}^n AP_{i,2005} (LS_{i,2015} - LS_{i,2005})$$

(здесь и далее $AP_{i,t}$ – средняя производительность сектора i в году t , измеренная как ВРП на количество занятых в секторе, $LS_{i,t}$ – доля занятых в секторе от общего количества занятых в региональной экономике)

Показатель статичного эффекта сдвига является положительным, если отрасли с более высокой производительностью в базовом году привлекают труд и, следовательно, увеличивают свою долю в общей занятости.

2. Динамичный эффект сдвига (dynamic-shift effect).

$$DSE = \sum_{i=1}^n (AP_{i,2015} - AP_{i,2005})(LS_{i,2015} - LS_{i,2005})$$

Показатель динамического эффекта сдвига является положительным, если отрасль одновременно увеличивает свою долю в занятости и среднюю производительность. Размер эффекта увеличивается, если занятность перетекает в отрасли с быстро растущей производительностью. Напротив, если показатель отрицательный, то это означает, что отрасли, испытывающие рост производительности, оказываются неспособны удерживать занятость (эффект Баумоля – занятость уходит из динамичных секторов в сектора с низким ростом производительности).

3. Эффект внутрисекторного роста производительности (within growth effect).

$$WGE = \sum_{i=1}^n (AP_{i,2015} - AP_{i,2005}) LS_{i,2005}$$

Третий показатель связан с ростом средней производительности при предположении, что каждый сектор удерживает тот же объем занятости, как в начале периода. Иными словами, экономика региона продемонстрировала бы такой совокупный рост, если бы эффект «бремени структурного сдвига» отсутствовал.

Для того, чтобы данные по совокупности регионов были сопоставимыми, примем экономический рост, достигнутый регионом за десятилетие 2005–2015 гг. за 100%, и выделим долю каждого из эффектов (табл. 2):

Таблица 2

Декомпозиция экономического роста в регионах ресурсного типа

Регион	Вклад SSE	Вклад DSE	Вклад WGE
Чукотский автономный округ	0,23	13,17	86,59
Сахалинская область	0,49	-29,27	128,78
Астраханская область	1,21	22,91	75,87
Красноярский край	-2,43	-1,29	103,72
Республика Саха (Якутия)	1,71	4,40	93,90
Архангельская область	4,63	7,88	87,49
Самарская область	3,06	2,12	94,83
Мурманская область	-2,37	-7,64	110,01
Республика Коми	-0,90	-11,68	112,58
Магаданская область	-0,67	-6,88	107,55
Пермский край	1,04	-4,86	103,82
Оренбургская область	3,28	4,99	91,73
Кемеровская область	-1,15	-6,46	107,61
Республика Удмуртия	-0,67	-8,14	108,81
Тюменская область	-1,65	-6,08	107,73
Ненецкий автономный округ	6,62	7,94	85,44
Ямало-ненецкий автономный округ	-3,93	-19,23	123,16
Томская область	4,91	1,91	93,18
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	4,16	-1,64	97,48
Республика Татарстан	-1,26	-2,61	103,87
Курская область	0,60	-8,19	107,59
Республика Карелия	-1,03	-3,66	104,68
Белгородская область	1,50	-5,26	103,76

Мы видим значительную гетерогенность среди регионов: средний эффект структурного сдвига (как суммы статичного и динамичного) отрицателен и равен -1,75%, в то же время для отдельных регионов эффект значителен и принимает как положительное значение (24,13% для Астраханской области), так и отрицательное (-28,78% для Сахалинской области).

В этой связи показательным является сопоставление качественно различных эффектов структурного сдвига в Астраханской и Сахалинской области. В обоих регионах имело место бурное развитие добычи углеводородов (доля добывающего сектора в ВРП Астраханской области выросла на 22,3 процентных пункта и в Сахалинской области на 36,4 процентных пункта) при относительно низком удельном весе обрабатывающей промышленности. В обоих регионах ресурсный бум сопровождался высокими темпами экономического роста, одна при этом вклад ресурсного сдвига в экономику Астраханской области был положительным и составил 24,12% накопленного экономического роста, а для Сахалинской области – отрицательным (–28,78). Непосредственной причиной этих различий является то, что если в Астраханской области высокоэффективный добывающий сектор оказался способен удерживать и наращивать занятость (доля добычи в занятости выросла на 2,2 процентных пункта), то в Сахалинской области увеличение доли ресурсного сектора в ВРП сопровождалось падением его доли в занятости на 1,4 процентных пункта. В свою очередь, различная динамика занятости в ресурсном секторе отражает решения об инвестициях, принятые важнейшими добывающими компаниями регионов, Лукойла и Газпрома в случае Астраханской области, и Газпрома, Shell, Mitsui и Mitsubishi в случае Сахалинской области.

В целом, можно констатировать, что возникающие в результате структурного сдвига эффекты не могут быть объяснены без привлечения институциональных факторов. Различная конфигурация формальных и неформальных соглашений между доминирующими политико-экономическими акторами определяет модель развития региона, степень ее целостности (инклюзивности) или анклавности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е. (2015). Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // *Вопросы экономики*, 11, 30–61.

Гайдар Е. Т. (1997). Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, с. 151–169.

Кордонский С. Г. (2000). Рынки власти: административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 240 с.

Кордонский С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 216 с.

Крюков В. А. (2017). Введение // Ресурсные регионы России в «новой реальности» / отв. ред. В.В. Кулешов; Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, с. 8-15.

Крюков В. А., Павлов Е. О. (2012). Подход к социально-экономической оценке ресурсного режима в нефтегазовом секторе (на примере США) // *Вопросы экономики*, 10, 105–116. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-105-116>).

Курбатова М. В., Левин С. Н. (2010). Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // *Terra Economicus*, 8 (1), 27–50.

Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С., Кислицын Д. В. (2019). Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // *Terra Economicus*, 17(3), 89–106.

Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. (2015). Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // *Journal of Institutional Studies*, 7 (3), 92–101.

Найшуль В. (1992). Либерализм и экономические реформы // *Мировая экономика и международные отношения*, 8, 69–81.

Норд Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 183 с.

Олсон М. (2012). Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. - М.: Новое издательство, 212 с.

Паннэ Я. Ш. (2000). «Олигархи»: Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ–ВШЭ, 232 с.

Петлевой В., Топорков А. (2019). Ротенберг продал крупнейшего подрядчика «Газпрома» // *Ведомости*, 7 ноября 2019 (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/11/07/815728-krupneishii-podryadchik-gazproma>).

Расков Д. Е. (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та, с. 247–265.

Allcott, H., Keniston, D. (2014). Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America // *The Review of Economic Studies*, 85(2), 695–731. (<https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>).

Beine, M., Coulombe, S., Vermeulen, W. N. (2015). Dutch Disease and the Mitigation Effect of Migration: Evidence from Canadian Provinces // *The Economic Journal*, 125(589), 1574–1615. (<https://doi.org/10.1111/eoj.12171>).

Frye, T., Shleifer, A. (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review*, May. (NBER. Working Paper 5856 // <http://papers.nber.org/papers/W5856.pdf>).

Grossman, S. J., Hart, O. D. (1986). The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration. // *Journal of Political Economy*, (94) 4.

Lewis, W. A. (1954). Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. The Manchester School, 22(2), 139–191. (<http://doi.org/10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x>)

Lucas, P. E. (1993). Making a miracle // *Econometrica*, 61, 251–272.

McMillan, M., Rodrik, D. (2011). Globalization, structural change and productivity growth. In M. Bacchetta, & M. Jense (Eds.), Making globalization socially sustainable (pp. 49–84). Geneva: International Labour Organization and World Trade Organization.

Michaels, G. (2011). The Long Term Consequences of Resource-Based Specialization // *The Economic Journal*, 121(551), 31–57.

Nelson, R.R., Pack, H. (1999). The Asian miracle and modern growth theory // *The Economic Journal*, 109 (457), 416–436.

Papyrakis, E., Raveh, O. (2014). An Empirical Analysis of a Regional Dutch Disease: The Case of Canada // *Environmental and Resource Economics*, 58(2), 179–198. (<https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z>).

Syrquin, M. (1988). Patterns of structural change. In: Chenery, H.B., Srinivasan, T.N. (Eds.), Handbook of Development Economics. North-Holland, Amsterdam, pp. 203–273.

Van der Ploeg, F. (2011). Natural Resources: Curse or Blessing? // *Journal of Economic Literature*, 49(2), 366–420. (<https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366>).

Young, A. (1995). The tyranny of numbers: confronting the statistical realities of the east Asian growth experience // *Quarterly Journal of Economics*, 110, 641–680.

Young, O. R. (1982). Resource Regimes: Natural Resources and Social Institutions. University of California Press.

Zhang, X., Xing, L., Fan, S., Luo, X. (2008). Resource abundance and regional development in China // *Economics of Transition and Institutional Change*, 16(1), 7–29. (<https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2007.00318.x>).

Zuo, N., Schieffer, S. (2014). Are Resources a Curse? An Investigation of Chinese Provinces. Southern Agricultural Economics Annual Meeting, February 1–4, Dallas, Texas.

REFERENCES

Allcott, H., Keniston, D. (2014). Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America. *The Review of Economic Studies*, 85(2), 695–731. (<https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>).

Beine, M., Coulombe, S., Vermeulen, W. N. (2015). Dutch Disease and the Mitigation Effect of Migration: Evidence from Canadian Provinces. *The Economic Journal*, 125(589), 1574–1615. (<https://doi.org/10.1111/ecoj.12171>).

Frye, T., Shleifer, A. (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review*, May. (NBER. Working Paper 5856 // <http://papers.nber.org/papers/W5856.pdf>.)

Gajdar, E. T. (1997). State and evolution. How to separate property from power and increase the well-being of Russians. SPb.: Norma, pp. 151–169. (In Russian).

Grossman, S. J., Hart, O. D. (1986). The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration. // *Journal of Political Economy*, (94), 4.

Kordonskiy, S. G. (2000). Markets of power: administrative markets of the USSR and Russia. M.: OGI, 240 p. (In Russian).

Kordonskiy, S. G. (2008). Estates of post-Soviet Russia. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 216 p. (In Russian).

Kryukov, V., Pavlov, E. (2012). An Approach to Social and Economic Assessment of Resource Regime in an Oil and Gas Sector The Case of the USA). *Voprosy Ekonomiki*. 2012, (10), 105–116. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-105-116>). (In Russian).

Kryukov, V. A. (2017). Vvedenie // *Resursnyye regiony Rossii v “novoj realnosti”* / otv. red. V.V. Kuleshov; Novosibirsk: IEOPP SO RAN, pp. 8–15. (In Russian).

Kurbatova, M. V., Levin, S. N., Kagan, E. S., Kislitsyn, D. V. (2019). Resource-Type Regions in Russia: Definition and Classification. *Terra Economicus*, 17(3), pp. 89–106. (In Russian).

Kurbatova, M. V., Levin, S. N. (2010). Deformalization of rules in contemporary Russian economy (within authority – business interaction). *Terra Economicus*, 8(1), p. 27–50. (In Russian).

Levin, S. N., Kagan E. S., Sablin K. S. (2015). «Resource type» regions in the modern Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 7(3), pp. 92–101. (In Russian).

Lewis, W. A. (1954). Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School*, 22(2), 139–191. (<http://doi.org/10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x>)

Lucas, P. E. (1993). Making a miracle. *Econometrica*, 61, 251–272.

McMillan, M., Rodrik, D. (2011). Globalization, structural change and productivity growth. In M. Bacchetta, & M. Jense (Eds.), *Making globalization socially sustainable* (pp. 49–84). Geneva: International Labour Organization and World Trade Organization.

Michaels, G. (2011). The Long Term Consequences of Resource-Based Specialization // *The Economic Journal*, 121(551), 31–57.

Najshul, V. (1992). Liberalism and Economic Reforms. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 8, p. 69–81. (In Russian).

Nelson, R. R., Pack, H. (1999). The Asian miracle and modern growth theory. *The Economic Journal*, 109 (457), 416–436.

Nord, D. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 183 p. (In Russian).

Olson, M. (2012). Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. M.: Novoe izdatelstvo, 212 p. (In Russian).

Pappe, Ya. Sh. (2000). «Oligarhi»: Ekonomicheskaya hronika 1992–2000. M.: GU–VSHE, 232 p. (In Russian).

Papyrakis, E., Ravesh, O. (2014). An Empirical Analysis of a Regional Dutch Disease: The Case of Canada. *Environmental and Resource Economics*, 58(2), 179–198. (<https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z>).

Petlevoy V., Toporkov A. (2019). Rotenberg sold Gazprom’s largest contractor. *Vedomosti 7 noyabrya 2019* (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/11/07/815728-krupneishii-podryadchik-gazproma>) (In Russian).

Raskov, D. E. (2012). Ekonomicheskie instituty starobryadchestva. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 247–265. (In Russian).

Syrquin, M. (1988). Patterns of structural change. In: Chenery, H.B., Srinivasan, T.N. (Eds.), Handbook of Development Economics. North-Holland, Amsterdam, pp. 203–273.

Van der Ploeg, F. (2011). Natural Resources: Curse or Blessing? // *Journal of Economic Literature*, 49(2), 366–420. (<https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366>).

Voskoboynikov, I., Gimpelson, V. (2015). Productivity Growth, Structural Change and Informality: The Case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*.(11), pp. 30–61. (In Russian).

Young, A. (1995). The tyranny of numbers: confronting the statistical realities of the east Asian growth experience. *Quarterly Journal of Economics*, 110, pp. 641–680.

Young, O. R. (1982). Resource Regimes: Natural Resources and Social Institutions. University of California Press.

Zhang, X., Xing, L., Fan, S., Luo, X. (2008). Resource abundance and regional development in China // *Economics of Transition and Institutional Change*, 16(1), 7–29. (<https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2007.00318.x>).

Zuo, N., Schieffer, S. (2014). Are Resources a Curse? An Investigation of Chinese Provinces. Southern Agricultural Economics Annual Meeting, February 1–4, Dallas, Texas.